

О художественном пространстве алтайских сказок

Аннотация. Статья посвящена анализу представлений о проницаемости пространства, выраженных в алтайских народных сказках. При пересечении персонажами границ Верхнего, Среднего и Нижнего миров возникает конфликт; пересечение границ, преодоление пространства согласно определённым нормам и правилам служит движущей силой сюжетного развития.

The paper analyses the conceptions of permeability of space presented in Altai folktales. The characters of the fairy tales which cross the border of Upper, Middle or Lower world generate a conflict, crossing the borders and covering the space according to certain regulations becomes a propulsion of a narrative move.

Ключевые слова: пространство, Верхний мир, Средний мир, Нижний мир.

Space, Upper world, Middle world, Lower world.

УДК: 398.

Контактная информация: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, д. 9. Колледж культуры и искусства Республики Алтай. Тел.: (388-22)280-30. E-mail: sadalova-t@mail.ru.

Понятие трехмерного пространства – это древнейшая единая мировоззренческая система, определяющая представление о структуре мироздания, что нашло свое специфическое преломление в фольклоре, а также в этномировоззренческих и археологических материалах.

В сказковедении проблема художественного пространства ставилась В.А. Бахтиной на материале русских сказок: «Время в волшебной сказке» [1975], «Пространственные представления в волшебных сказках» [1979]. Азербайджанским сказковедом А. Гезаловым рассматривались пространственные представления «свой – чужой» и «верх – низ» [1990].

В алтайской фольклористике понятие трехмирия специально не изучалось, только в исследованиях С.С. Суразакова, чьи наблюдения основываются на фактическом материале эпических произведений, ему уделено достаточно большое внимание [1985].

Нами трехмерность художественного пространства в фольклорных текстах рассматривается как часть сюжета и средство для развития сюжетного действия. Мы разделяем точку зрения Н.К. Гея, ко-

торый считает, что «пространственные координаты оказываются не только каркасом произведения, но и одним из действенных средств организации его содержания» [1975: 228]. Базовым материалом нашего анализа являются тексты алтайских народных сказок и тексты героических сказаний, которые ранее не анализировались.

Представление о трехмерном пространстве в текстах алтайских волшебных сказок по сравнению с сюжетами героических сказаний получило иное отражение, так как в них нет той единой комплексной системы, которая сформировалась в богатырских сказках или эпических сказаниях. Например, в сказке «Албын и молодая женщина» есть только отдельные упоминания о персонажах «трехмирья»: «*Огурып турган Албыннын кыйгызы өрө турган Ыч-Курбустан кудага угулат, төмөн жаткан бос Эрликке жедет*» - «Крик ревущей Албын был услышан кудаем Юч Курбустаном, живущим в Верхнем мире, донесся до серого Эрлика, живущего в Нижнем мире» [Алтайские народные сказки 2002: 144–145]. Эти персонажи не являются частью общего сюжета, они упоминаются для того, чтобы охарактеризовать силу крика погибающего чудовища – Албын. Чудесный помощник женщины в спасении ее сына – юноша-птица усаживает женщину с ребенком на себя и взлетает «до дна неба», «до ясной выси», которые представляют собой определенные слои многоступенчатого Верхнего мира.

В этом же тексте мы встречаем отдельные формулы, связанные с пространственными представлениями. Например, интересна формула, характеризующая форму общения с духами или покровителями Среднего мира, которые в образе старух, стариков выступают в роли подсказчиков, добрых советчиков: «...*Карган ашыыйак табарт туруп, кайнап турган казаннан бийттү-сиркелү кочо уруп берди. Аштаганына јескинбей, јаш келин уруп берген айактан' ичип турат. Ичер болзо, бийт дегени эт эмтир, сирке деп бодогоны үстү мүн эмтир*» - «...Старик проворно встал, из кипящего казана налил еды из вшей-гнид. Проголодавшись, женщина, не брезгуя, начала есть из налитой чашки. То, про что она думала, что это вши, оказалось мясом, то, про что думала, что это гниды, оказалось жирным бульоном» [Там же: 138–139].

Как видим, соответствующая норма поведения героини дает ей возможность войти в контакт с представителями иного мира и получить подсказку в поисках потерянного сына. Данная формула активно фигурирует во многих текстах сказок. От нарушения или принятия героями правил игры во время встречи с персонажами иномирья зависит положительный или отрицательный результат общения.

В этой же сказке наблюдаются различные формулы преодоления границ большого пространства, в которых обнаруживается сочетание реальных и нереальных способов его преодоления:

1. «*Ол арка-јышты айланп, агаши-ташты эбирип, түн-түжсиле бедиреди*» – «Она обошла все лесные чащи, обогнула все камни и деревья, днями и ночами искала» (здесь сказочник в описании границ Среднего мира характеризует движения героини по реальному пространству) [Там же: 138–139].

2. «*Келин балазын кучактайла, агаши-ташка табарбай, сан'ыскан учпас сары чөлди сан'ыскан кептү өткуре јүзүрди, кускун учуп учына јетпес куба чөлди кускун кептү өдө конды*» - «Женщина, взяв ребенка, не задевая деревьев-камней, через желтую степь, где и сорока не летает, сорокой перелетела, через серую степь, где и ворон не летает, вороном перемахнула» (указание на ирреальное преодоление пространства) [Там же: 144–145].

Эти формулы преодоления героем пространства являются и средством для дальнейшего развития сюжета, являясь своего рода маркирующими знаками перехода от одного события к следующему.

Одним из своеобразных текстов о взаимодействии представителей двух миров – Среднего и Нижнего – является кумандинская сказка о брате и сестре «Кочыйым-Перген и Сый-Перген» [ФМ № 248, 3]. В начале сказки нет конкретного указания на то, что антагонисты главных героев являются представителями подземного мира, это выясняется из контекста. В один год кобылица дважды ожеребилась, что показалось брату плохим предзнаменованием, и он сказал: «*Ыч талайдын' пажында Чер-Шипилдей углыбла чачыт. Ол кугулал кулун полуп келген полсы. Сене пойынын' углына алара келчит. Келзе, тис анла чаглыжарбы*» - «В верховьях трех больших рек живет старуха Чер-Шипилдей со своим сыном. Наверное, она превратилась в жеребенка, чтобы прийти. Тебя хочет за своего сына взять. Если она придет, мы с ней будем сражаться». Обратнические способности старухи свидетельствуют о ее принадлежности к чужому миру. Но неожиданно выпадает глубокий снег, брат засыпает на семьдесят лет, т.е. происходит нейтрализация защитника сестры. Сестра пытается пробудить его, общая о приходе Чер-Шипилдей так: «*Турзан' пери, турзан'. Чер-Шипилдей углыбла чыглап келди*» - «Вставай, вставай, Чер-Шипилдей с сыном вылезли». Эта фраза свидетельствует о том, что вторжение старухи Чер-Шипилдей с ее сыном происходит как преодоление пространства по вертикали из Нижнего в Средний мир. Сестра вынуждена согласиться на замужество. Проникновение в земли Чер-Шипилдей в сказке описывается следующим образом: «*Пара-пара понда, пойынын' чери раак полды,*

Чер-Шипилдейдин' чери таньши полды. Тогус талайнын' черине чедип келдилер. Ол талайны кечерге, Чер-Шипилдей чилбилүг кадыны чаай ийди. Ыч катан челбеп ийди: корүк пүтти. Алар кече пердилер. Ол ло парчылар, ол ло парчылар. Чер-Шипилдейдин' черине чеде кондылар...» – «Когда шли-шли, своя земля осталась далеко, Чер-Шипилдей земля стала узнаваемой. Прибыли к земле девяти больших рек. Чтобы перейти реку, Чер-Шипилдей разложила свою волшебную книгу. Три раза взмахнула ею: мост выстроился. Они перешли. Так и шли, так и шли. До земель Чер-Шипилдей добрались». [ФМ № 248, 3]. В этой сказке сюжет от начала до конца строится на противопоставлении двух антагонистических миров.

В тексте сказки «Ездящий на семи рыжих конях Ёскюс-Уул» [Алтайские народные сказки 2002: 270–300] есть описания разных форм взаимодействия противоположных миров. Семь коней Ёскюс-Уула были уведены ханом волков – Берю-Кааном. Рассерженный герой отправляется в путь, чтобы вернуть их. По дороге ему встречается старуха, которая подсказывает ему дорогу к землям Берю-Каана. Описание этих земель дается следующим образом: «*Канча суу кечип, канча туу ажып, борунин изин истеп келгежин, бир кара тонош тоон кирген ис бар болтыр. Байа ис тоон тебийерде, Бору-Кааннын айлы бу болтыр*» – «Много рек переплыв, много гор перевалив, преследовал волка, дошел до одного черного пня, к которому привели следы. Когда он топнул по следам, оказалось, что это *аил* Берю-Каана» [Там же: 273].

Поводом для ухода героя из своего пространства в чужое стал увод его коней. Путь к землям Берю-Каана, встреча героя с ним совпадают с представлениями о параллельном Среднему миру мире духов. Окончанием данной сюжетной линии является женитьба героя на необычной женщине. Хан волков – Берю-Каан – выступает своеобразным дарителем. Покидание героем своего пространства и проникновение в параллельное пространство является также частью развития сюжетного действия.

В этой сказке описание Нижнего мира дано в эпизодах, когда герой, выполняя трудное поручение своего соперника Ак-Бия, едет за рукавицами подземного владыки – Эрлика. В варианте сказки [ФМ № 254, 13] герой по поручению *каана* едет в подземный мир Эрлика за его лисьей шапкой. Этот мотив обычно встречается в героических сказаниях. Перед тем как ехать, он берет с собой две кожаные сумы с углями, две железные кожемялки, *альчики* девяти зверей, головы девяти зверей. Далее описывается поездка героя в подземный мир и использование им тех предметов, которые были взяты с собой по совету жены. Таким образом, в этой части текста преодоление каждого нового препятствия героем при помощи хорошего слова или подарка представляет собой и проникновение им в новое запретное пространство, где имеется свой «хозяин». При этом схема проникновения героя на новую территорию единая: герой попадает на запретную территорию, встречает препятствие в виде непроходимой чащи кустарников (либо ядовито-желтого моря, ядовито-желтой грязи, двух кузнецов, двух верблюдов, двух игроков в *альчики*, двух воронов, двух псов, двустворчатой двери), говорит хорошее слово в их адрес или дарит подарок (угощает чем-либо), получая возможность проехать дальше. Путь из подземного мира совпадает с маршрутом проникновения в него, но только в обратном порядке, и препятствия чинятся не герою, а его противнику – Эрлик-Бию за то, что тот все время плохо обходился с этими существами – «хозяевами» определенных мест: «*Каалгалу кара эжигим, туйукта!*» – *дептир*» – «*Черная моя двустворчатая дверь, прегради дорогу!*» – сказал он». Или же: «*Эки кускуным, бойын көзин ой, адын көзин ой!*» – «*Два моих ворона, выключите глаза ему самому, выключите глаза его коня!*» [Алтайские народные сказки 2002: 293–295].

Запретные зоны Эрлик-Бия представляют собой вертикальные иерархические слои, населенные представителями подземного мира. На то, что и в этом тексте препятствия подземного мира расположены по отношению друг к другу вертикально, нет конкретных указаний, об этом можно судить только по контексту. Например, описание поездки героя в подземный мир начинается с фразы: «*Ол бар жадала, јердин оозына једип келтир... онон ары јердин оозын дөбөн калыдын ийтир*» – «Он ехал и доехал до пасты земли... дальше прыгнул в пасть земли», т.е. перемещение героя идет по вертикали вниз [Там же: 288]. А выход героя из подземного мира обозначен так: «*Онон ары айлу-күндү алтайына чыгып келтир*» – «Дальше он выбрался на лунно-солнечный алтай» [Там же: 296]. Здесь глагол «выбрался» соответствует сложной глагольной форме *чыгып келтир*, которая в переводе может иметь и другое значение – «поднялся», что также является указанием на вертикальное направление.

В этом сюжете описание проникновения вниз в подземный мир, преодоление препятствий и выход обратно составляет основу текста. В то же время поручение Ак-Каана исполнить задание является мотивировочной связкой для присоединения следующего сюжета АТ (465 С).

В другом тексте под названием «Шестиглазая Карагыс» [Там же: 172–200] мы также находим своеобразную интерпретацию пространственных характеристик. В вариантах сказки девчонка-людоедка выступает персонифицированной силой Нижнего мира. Поездку же героя в Верхний мир

можно трактовать как самостоятельную сюжетную линию - исполнение трудного поручения, которая контаминируется с сюжетом женитьбы героя на небесной деве.

В тексте сказки «Шестиглазая Карагыс» более детально представлено описание Верхнего мира с его обитателями. Во взаимоотношениях представителей Среднего и Верхнего мира существуют определенные запреты. Вторжение в иной мир является внесением диссонанса в установленный миропорядок, равнозначно осквернению пространства. Художественные характеристики пространства менее развернуты в сказках, нежели в текстах сказаний, в которых в большей степени отражается мировоззренческая модель мироустройства. В сказках пространство больше способствует развитию сюжета. Тем не менее в ряде сюжетов очевиден контекст устойчивой системы трехмерности пространства.

ФМ – Архив института алтаистики им. С.С. Суразакова. Фольклорные материалы.

Алтайские народные сказки / Сост., пер. Т.М. Садаловой, К.М. Макошевой; вступ. ст. Т.М. Садаловой. Новосибирск: Наука, 2002. 454 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 21).

Бахтина В.А. Время в волшебной сказке // Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975. С.157–163.

Бахтина В.А. Пространственные представления в волшебных сказках // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1979. Вып. 1. С. 81 – 91.

Гезалов Ф.Х. Структура азербайджанских волшебных сказок // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1990. 23 с.

Гей Н.К. Время и пространство в структуре произведения // Контекст – 1974: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1975. 278 с.

Суразаков С.С. Алтайский героический эпос / Под ред. В.М. Гацака. М.: Наука, 1985. 256 с.